

ступлений. А нашъ долгъ — помогать этому очищенію моральнаго сознанія Европы, и не пытаться использовать моральнаго движенія совѣсти для политической акціи. Только тогда протестъ противъ

большевистскихъ гоненій станетъ протестомъ челоѳчества. Только тогда богатые и бѣдные, правые и лѣвые, христіане, евреи и даже невѣрующіе объединятся въ одно: «Не могу молчать».

Памяти кн. Г. Н. Трубецкаго.

Память праведнаго съ похвалами, и благословеніе Господне на глаѳъ его.

его духовнаго образа въ его безупречности и чистотѣ. Правы были пути его, — правы въ мысляхъ и дѣлахъ и въ отноше-

Какъ непримѣтно перелѣль онъ грань этой жизни, и сколь безболѣзненна, непостыдна и мирна была кончина его живота. Отъ дѣка воинствъ, славословящихъ Рождество Христова, былъ посланъ ангель смерти его. Душа, услышавшая славословіе ангеловъ, рванулась навстрѣчу ему и оставила тѣло. И сколь ни скорбна для сродниковъ и друзей эта внезапно происшедшая кончина, — свѣтель и благороденъ былъ знаменательный образъ ея. Смерть беретъ челоѳка въ томъ, въ чемъ онъ живетъ, — такимъ былъ и онъ отозванъ въ свой урочный срокъ. Нынѣ, въ часъ послѣдняго прощанія, хочется думать и говорить не о многихъ дѣлахъ его на многообразныхъ поприщахъ жизни, а о немъ самомъ и, прежде всего благодарить за то, чѣмъ онъ былъ для насъ. Хотѣлось бы благодарить лично за себя и отъ себя; но словамъ нашимъ не было бы конца, если бъ стали мы говорить о себѣ, а не о немъ. Вѣдь, онъ былъ вѣренъ себѣ въ дѣлахъ своихъ — въ дѣлахъ благожелательности, участія, заботы, вниманія. Это излучалось изъ него, какъ свѣтъ и тепло. Онъ былъ мужъ доброй совѣсти, возлюбившій заповѣди Божіи, и мужъ мудрой мѣрности, шедшій царскимъ среднимъ путемъ — такова основная черта

ніяхъ къ людямъ, и нелукавно предъ Богомъ хожденіе его. Можно было не только любить его, но и неизмѣнно уважать, провѣрять себя по нему, нравственно опираться на него. Онъ былъ мудрый совѣтникъ, справедливый, отвѣтственный, нелицепріятный, участливый: и въ дѣлахъ государственныхъ и въ дѣлахъ церковныхъ, на церковномъ соборѣ около пат-

риарха и здѣсь, въ нашемъ духовномъ разбродѣ. Таковымъ онъ являлся въ общественныхъ совѣщаніяхъ, въ кругу христіанской студенческой молодежи, и въ дружескихъ бесѣдахъ братства св. Софій Премудрости Божіе. Онъ дѣйствовалъ, не отдаваясь порыву страсти и увлеченія, но ища путей доброй совѣсти. И въ этомъ исканіи былъ особый духовный даръ разсужденія, которымъ его надѣлило Провидѣніе. И этотъ даръ доброй совѣсти былъ не ветхозавѣтнымъ, не фарисейски-законническимъ, но христіанскимъ во всей широтѣ и свободѣ. Творчески искать въ себѣ великой совѣсти тѣмъ труднѣе, чѣмъ шире ея кругозоръ, чѣмъ сложнѣе озираемая ею задачи. А ушедшій отъ насъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое несетъ въ себѣ наслѣдіе всей русской культуры, въ неразрывномъ соединеніи съ культурой европейской. Онъ жилъ и мыслилъ не въ мѣстно ограниченныхъ, но мировыхъ горизонтахъ. Его патріотизмъ, горячій и безпредѣльный, соединялся въ немъ съ всечеловѣческими устремленіями. Его православіе глубокое и жизненное, трогательное своею дѣтской непосредственностью, соединялось съ пронзенностью сердца, скорбящаго о раздѣленіи христіанскаго міра, и съ непрестаннымъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ его преодолѣнію, и кончина его скорбно отзвонится не только въ православіи, но и за его предѣлами. Наконецъ, личная его приверженность охранительнымъ началамъ въ государственной и общественной жизни соединялась въ немъ съ подлиннымъ свободолобіемъ и уваженіемъ къ челоѣческой личности. Эти черты одновременно составляли въ немъ и наслѣдственное и личное достояніе, приумножая одно другое, и при этомъ сопровождалась такой

простотой и скромностью, что порою какъ будто и вовсе не замѣчались. Такъ мы не примѣчаемъ иногда чистаго и прозрачнаго стекла, даже и самаго свѣта, въ которомъ мы видимъ предметы. Но эта скромность и мягкость соединялись съ твердостью и мужественной прямою, которую онъ проявлялъ, когда требовалось свидѣтельство истины, — словомъ и дѣломъ. И оттого отъ него исходило какъ бы тихое сіяніе свѣта, которое къ нему привлекало и располагало. Онъ, одинаково былъ патріархомъ въ семьѣ и мужемъ свѣта въ обществѣ, былъ благоотіишемъ, несущимъ миръ.

Его мы нынѣ лишились, и его мѣсто опустѣло всюду, для близкихъ и далекихъ. Смерть всегда есть раздирающая скорбь, которая не можетъ, а, вѣроятно, и не должна быть ослаблена, и этого не отрицаетъ и сама христіанская вѣра. Однако, лишь она освобождаетъ отъ пустоты и опустошенности, ибо вѣра знаетъ, что уходящіе отсюда переходятъ туда. Что здѣсь истаиваетъ, тамъ восполняется и умножается. И праведникъ, удаляемый изъ здѣшняго міра, призывается къ новому дѣланію въ мірѣ духовномъ, чтобы въ немъ иными, намъ невѣдомыми путями, творить то же дѣло добра. Онъ отошелъ къ тѣмъ небеснымъ ратамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними воинствовать. Тамъ не страшны Иродовы неистовства, и беззащитность Богомладенца, и убожество вертепа и яслей. На его лицѣ по кончинѣ легла печать мира и свѣта, и какъ будто носилось надъ нимъ звучаніе ангельской пѣсни съ небесной высоты, его призвавшее: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоѣцѣхъ благоволеніе!

Прот. С. Булгаковъ.